

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ РЕЭВАКУАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКИХ ДЕТЕЙ В 1944–1945 ГОДАХ

Л. Л. Газиева

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, 197022, Санкт-Петербург, ул. Льва Толстого, д. 6-8
llghist@yandex.ru

Опираясь на анализ как опубликованных, так и неопубликованных архивных документов, рассматриваются проблемы и противоречия реэвакуации детей вместе с детскими учреждениями и в индивидуальном порядке в Ленинград в 1944–1945 гг. Показаны материальные и социальные трудности реэвакуации, вызванные разрушительными последствиями войны, а также усилия, направленные на их преодоление и успешное возвращение эвакуированных детей в Ленинград.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, дети, детские дома, реэвакуация.

В современной историографии, посвященной проблеме спасения гражданского населения Ленинграда, организации его эвакуации уделено большое внимание, однако проблема реэвакуации изучена в значительно меньшей степени (см., например [Соболев, 2013, 2015]). Чаще всего обращались исследователи к демографическим и социально-бытовым аспектам реэвакуации ленинградцев в целом [Пянкевич, 2001; Карпенко, 2006]. Ученые Томского педагогического университета и Уральского отделения РАН изучали условия, результаты, этапы реэвакуации гражданского населения, в том числе ленинградского, из Западной Сибири в 1941–1945 гг. [Потемкина, 2002; Снегирева, Сафонова, 2004; Снегирева, 2015].

В то же время проблеме реэвакуации ленинградских детей в 1944–1945 гг. уделено значительно меньше внимания [Котов, 2005; Газиева, 2014]. Известны отдельные публикации документов в сборниках, в том числе в электронных версиях (Ленинград в осаде ..., 1995, 2014; От войны к миру..., 2013; Во имя Победы..., 2005).

В данной статье, опираясь на анализ неопубликованных документов Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.) и Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.), а также используя результаты исследований наших предшественников, раскроем специфические проблемы реэвакуации ленинградских детей и подростков. Кроме того, рассмотрим вопросы периодизации реэвакуации, демографических изменений, социально-бытовых условий возвращения детей с детскими учреждениями и индивидуально.

Периодизация реэвакуации

Существуют различные способы периодизации реэвакуационных процессов. Так, М. Н. Потемкиной были выделены четыре основных периода реэвакуации, связанных с ходом военных действий: с декабря 1941 г. по осень 1943 г.; с зимы 1943/44 г. по май 1945 г.; с мая 1945 г. по лето 1946 г.; с лета 1946 г. по 1948 г. [Потемкина, 2002, с. 175]. Л.И. Снегирева настаивает на трех этапах, связанных с потребностями хозяйственного восстановления освобожденных районов, а также с реорганизацией централизованной системы управления этими процессами: 1) конец 1941–1942 г.: реэвакуация наряду с массовой эвакуацией. По данным статистического отдела переселенческого управления при СНК РСФСР за первый квартал 1942 г. из Новосибирской области выбыло 125,9 тыс. чел., а прибыло 46,1 тыс.; 2) январь 1943 – май 1945 г.: массовая реэвакуация с осени 1943 г. 3) 1945–1948 гг.: в конце этого периода снятие с учета эвакуантов как особой категории населения [Снегирева, 2015, с. 201–204].

Необходимо указать, что процессу реэвакуации ленинградского населения более соответствует периодизация М. Н. Потемкиной.

Вплоть до весны 1944 г. въезд в Ленинград гражданского населения практически не осуществлялся (за исключением персональных вызовов специалистов: медиков и пр.). Вместо выезжавшего массовым порядком гражданского населения ввозились воины для пополнения

Ленинградского и Балтийского флотов. Так, в июне 1942 г. было переправлено с восточного берега Ладоги около 58 тыс. чел., в июле – 43 тыс. [Соболев, 2015, с. 28, 98].

Массовая реэвакуация рабочих и служащих предприятий с семьями в Ленинград началась в соответствии с постановлением Государственного Комитета Обороны (ГКО) от 29 марта 1944 г., но она была приостановлена. Отдельные попытки въехать в Ленинград и везти детей без специального разрешения пресекались органами НКВД. Возобновилась массовая реэвакуация детей только в мае – августе 1945 г.

Л. И. Снегирева обращает внимание на правовую регламентацию переселения гражданского населения как на критерий периодизации данного процесса соответственно хозяйственной и военной необходимости. В связи с этим целесообразно воспроизвести структуру управления процессами переселения. С 24 июня 1941 г. эвакуацией руководил Совет по эвакуации при СНК СССР, который с 31 января 1942 г. был заменен Отделом по хозяйственному устройству эвакуированного населения СНК РСФСР. С 14 августа 1945 г. этот отдел вернул себе довоенное наименование – Главное переселенческое управление при СНК СССР. В его составе находился отдел по реэвакуации и репатриации, существовавший до 1950 г.

Кроме того, организацией реэвакуации с февраля 1943 г. занимался Отдел по реэвакуации материальных ресурсов и населения, входивший в Управление по восстановлению хозяйства в освобожденных районах при Госплане СССР. При СНК СССР действовал комитет, курировавший эту сферу. При всех наркоматах были организованы спецкомиссии с отделами по реэвакуации населения [Снегирева, 2015, с. 203–204]. Органы управления эвакуацией меняли не только название, но и ведомственное подчинение: находились в ведении то СНК СССР, то СНК РСФСР.

Иерархия руководства реэвакуацией выстраивалась соответственно порядку решения всех военных и хозяйственных вопросов в этот период истории нашей страны. Основные директивы исходили от ГКО и СНК СССР. Директивы могли быть изложены в письменном виде, но могли иметь вид устных распоряжений, передаваемых от имени Сталина доверенными лицами. В связи с этим установился порядок, при котором при необходимости ленинградское руководство выходило на Сталина лично, прося изменить или принять то или иное решение по Ленинграду. С такой просьбой к нему в 1941 и 1942 гг. обратился А.А. Жданов («При всех золотых качествах...», 2015). В 1941 г. бывали случаи, когда ленинградское руководство самостоятельно решало ключевые вопросы обороны города, спасения ленинградского населения вопреки мнению Сталина, например, организации Совета обороны Ленинграда в июле – августе, Дороги жизни в ноябре [Соболев, 2013, с. 68–70, 86–89, 217–218]. Такие ситуации возникали и в ходе реэвакуации в 1944 г.

Необходимо иметь в виду, что постоянный процесс реорганизации центральных и местных органов власти требовал дополнительных финансовых средств, предполагал адаптацию чиновников, испытывавших те же трудности, что и командармы (армию не принял — а взял, без передачи материально-технической части). При видимости согласованности действий бюрократического аппарата на местах многоначалие зачастую приводило к неразберихе, а гипертрофированное центральное руководство, стремившееся контролировать все процессы, усугубляло кризис, в том числе психологический.

Демографические процессы

Известие о снятии блокады Ленинграда в январе 1944 г., которое появилось в центральной печати, незамедлительно вызвало активную переписку руководителей детских учреждений с органами власти относительно разрешения им вернуться в Ленинград. Реэвакуация в Ленинград началась в конце марта 1944 г. в соответствии с Постановлением ГКО от 29 марта 1944 г. Согласно ему наркоматы должны были везти 30 тыс. рабочих, инженерно-технических служащих вместе с семьями. В дальнейшем по решениям ГКО и СНК СССР о реэвакуации организаций, в том числе учебных заведений, в апреле – сентябре 1944 г. планировалось увеличение населения Ленинграда на 378 161 чел.

Эти планы не были выполнены. По данным Управления статистики г. Ленинграда с 1 октября 1943 г. по 1 декабря 1944 г. работающее население города увеличилось только на 200 916 чел., в число которых вошли 23 278 чел., ранее не проживавших в нем (От войны к миру..., 2013, с. 109–110).

Основной причиной снижения темпов реэвакуации явилась необеспеченность социально-

бытовыми условиями, прежде всего жильем. В связи с этим уже 3 июля 1944 г. заведующий Городским бюро по учету и распределению рабочей силы А. Смирнов обратился с докладной запиской к А.А. Жданову: «...Считаем необходимым просить ГКО и СНК СССР ... до 1 / X с.г., запретить всем наркоматам и ведомствам входить в правительство с вопросами о реэвакуации в Ленинград предприятий и организаций, а также с вопросами о ввозе в Ленинград рабочих, ИТР и служащих» (От войны к миру..., 2013, с. 64–65).

Въезд в Ленинград был возможен только при наличии специальных пропусков, выданных органами НКВД, и разрешения Ленгориспокома Совета депутатов трудящихся. Однако, в связи с началом массовой реэвакуации пропуска в Ленинград стали выдавать органы НКВД и отделы милиции других краев и областей. Так, в первом квартале 1944 г. было задержано 12 728 чел. с неправильно оформленными документами, в апреле 1944 г. – уже 13 175 чел. Люди ехали в топках вагонов, в багажном отделении, под лавками, даже на крышах. Несовершеннолетних детей везли под скамейками, в корзинах (От войны к миру..., 2013, с. 56–57). В соответствии с постановлением ГКО СССР от 3 сентября 1944 г. процесс реэвакуации в Ленинград был приостановлен, причем даже по ходатайствам Наркомата обороны СССР и разрешениям исполкома Ленгорсовета (От войны к миру..., 2013, с. 92–94).

Всего с 1 января и до конца 1944 г. в город вернулись 4070 учащихся школ, большинство которых были оставлены на повторный курс или получили экзаменационные испытания на осень (ЦГАИПД СПб. Ф. 25. Оп. 11. Д. 263. Л. 22).

Официально реэвакуация детей из детских учреждений началась не ранее 29 мая 1945 г. Согласно распоряжению ГКО № 7907 от 22 марта 1945 г. и распоряжению СНК РСФСР № 927-р от 26 апреля 1945 г. в мае – июле 1945 г. из состава ленинградских детских учреждений, эвакуированных в 1941–1943 гг., подлежали возвращению только дети, родители которых проживали в тот момент в Ленинграде, и сироты в возрасте 14 лет и старше. С этой целью в местах эвакуации на базе лучших детских учреждений, возвращающихся в Ленинград, облкрайотделам народного образования и наркомпросам автономных республик следовало организовать специальные сводные детдома для ленинградских детей-сирот и детей фронтовиков, временно остающихся вне Ленинграда (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 63, 81).

В мае – августе 1945 г. из 26 областей и республик планировалось вывезти более 45 310 чел. (детей и взрослых – обслуживающий персонал и иждивенцев): из Алтайского края – 3 167, Горьковской области – 1935, Кировской – 5 418, Кемеровской – 2133, Красноярского края – 1548, Курганской области – 1786, Челябинской – 2315, Краснодарского края – 884, Костромской области – 4431, Ярославской – 4396, Свердловской – 1944, Татарской АССР – 932, Армянской ССР – 100, Куйбышевской области – 100, Вологодской – 110, Ульяновской – 100, Ставропольского края – 100, Киргизской ССР – 150, Марийской АССР – 120, Молотовской области – 3078. В отношении Ивановской, Владимирской (1054), Омской, Тюменской (7285), Новосибирской и Томской областей (2227) количество детей и сотрудников требовало уточнений (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 77, 78).

Социально-бытовые проблемы реэвакуации ленинградских детей

Две основные проблемы назывались при обсуждении вопроса реэвакуации детей в 1944–1945 гг.: отсутствие жилого фонда и материальной базы детских учреждений, с одной стороны, отсутствие в Ленинграде родственников у большинства детей – с другой.

Пленумом Верховного суда СССР в постановлении от 12 ноября 1942 г. были даны обязательные для всех судебных органов указания о том, что за всеми эвакуированными (как взрослыми, так и детьми) в индивидуальном порядке, а также вместе с учреждениями сохраняется жилая площадь, которую они занимали до эвакуации. Однако потери жилого фонда в Ленинграде в результате вражеских действий составляли более 20%, или около 3 млн кв. м. Бомбежками были уничтожены 22 и повреждены 393 школьных здания, уничтожены или повреждены 195 детских учреждений (детских яслей, детских садов, детских домов). Материальный ущерб, нанесенный школам и детским учреждениям, составлял 217 402 тыс. рублей (Ленинград в осаде..., 1995, с. 559–561, 567–568).

Реэвакуация детских учреждений требовала скорейшего восстановления фондов, строительства и ремонта зданий и сооружений уже в 1944 – начале 1945 г. В августе – сентябре 1944 г. в Ленинграде были приняты меры по расширению сети учреждений охраны детства и

материнства (детские ясли, дома малютки, детские сады, детские поликлиники, женские консультации, молочные кухни и раздаточные пункты молока, родильная и гинекологическая сети) из расчета увеличения населения к концу года до 1 020 000 чел.

В городе не хватало самого необходимого, в том числе ходовых размеров детской обуви, из-за чего школьники приходили на занятия в тапочках или босиком. 16 сентября 1944 г. было принято постановление ГК ВКП(б) № 124/5 о необходимости изменения ассортимента детской обуви, которое к октябрю 1944 г. было выполнено фабриками (*От войны к миру...*, 2013, с. 82–83).

В связи с реэвакуацией возникла и проблема транспортных расходов. Согласно запросу из Новосибирского облоно от 8 сентября 1945 г. расходы на реэвакуацию детских домов должны были составить 50 591 рубль. В соответствии с распоряжением СНК РСФСР № 927-р от 26 апреля 1945 г. (п.3-й) эти расходы были отнесены на счет областных и краевых исполкомов, отправляющих детдома в Ленинград. Этим распоряжением им разрешалось расходование средств в пределах местных бюджетов на 1945 г. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 179, 180).

Из-за недостаточного финансирования допускались серьезные нарушения: к детским эшелонам прицепляли товарные вагоны с грузами, задерживали их движение. Так, 21 июля 1945 г. в Ленгорисполком поступила телеграмма о движении детского эшелона из Свердловска: он был направлен через товарные грузовые парки, и 842 ребенка оказались лишены возможности снабжения горячим питанием, хлебом и кипятком (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.17. Д. 1513. Л. 141, 142). За подобные нарушения ответственность легла и на Е. Т. Федорову, заместителя председателя Ленгорисполкома, руководившую организацией реэвакуации детских учреждений в Ленинград.

В связи с реэвакуацией выросло число безнадзорных и беспризорных детей. Так, если в первом квартале 1944 г. было задержано 4 673 чел., то в четвертом квартале – 19 501 чел., а всего за год – 54 341 чел. Если в январе 1944 г. в Ленинграде существовал один приемник-распределитель для детей на 110 мест, то в течение года были открыты еще один в Ленинграде и один в Пушкине в общем на 360 мест. Через них за 1944 г. прошли 12 228 детей. Приемники финансировались из бюджета Ленисполкома, при этом отсутствовали фонды их вещевого и продуктового довольствия. За весь 1944 г. было выделено Ленисполкомом всего 180 пар обуви, 250 детских платьев, 150 одеял и пр. На основании распоряжения СНК СССР от 1 августа 1944 г. при всех отделениях милиции были открыты дополнительно 36 детских комнат, 28 из них находились в помещении отделений милиции. Со второго квартала 1944 г. в Ленинграде резко возросла преступность, особенно увеличилось число краж. За год за преступления были задержаны 1719 несовершеннолетних, из них 803 оказались круглыми сиротами (*От войны к миру...*, 2013, с. 124, 145, 146, 175).

Материальные и социальные трудности вызвали в среде партийных и советских руководителей Ленинграда дискуссию о том, кого следует реэвакуировать в Ленинград. Так, при обсуждении вопроса о реэвакуации ленинградского населения на партийном собрании членов ВКП(б) в Ленинградском городском отделе народного образования в 1945 г. Д. В. Павлов, нарком торговли РСФСР (1939–1946), с 10 сентября 1941 г. уполномоченный ГКО по снабжению продовольствием Ленинграда и Ленинградского фронта, заявил: «Надо указать уполномоченным о необходимости правильно подбирать людей, чтобы привозили в Ленинград нужных людей, и брать от них обязательства работать в нашей системе, на 50% прибывают не нужные нам люди» (ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 4. Д. 5. Л. 17, 18). Вопрос о сокращении числа лиц, прибывающих в Ленинград и выселении тех, кто был эвакуирован в Ленинград в 1941 г. из Ленинградской области и Прибалтики, был поднят П. С. Попковым, председателем Исполкома Ленинградского горсовета депутатов трудящихся (Ленинград в осаде..., 1995, с. 559–561). Характерна резолюция А. А. Жданова на докладной записке П. С. Попкова: «Разделение на "чистых" и "нечистых" ленинградцев никуда не годится, предложение о выселении из Ленинграда эвакуированных в 1941 г. в Ленинград из районов области и из Прибалтики просто постыдно. Откуда этот барски-дворянский подход и разделение ленинградцев на черную и белую кость?» (Ленинград в осаде..., 1995, с. 561).

Таким образом, при организации реэвакуации можно было наблюдать социально-политические разногласия в среде ленинградского руководства, связанные с использованием планового механизма для управления социально-экономическими, демографическими процессами в конце войны.

Особенности реэвакуации ленинградских детских учреждений

Уже 25 мая 1945 г. согласно указанию Главного управления милиции НКВД СССР начали выписываться пропуска на въезд в город Ленинград детям и сотрудникам эвакуированных из Ленинграда детских учреждений, а также детям, эвакуированным из Ленинграда родителями в индивидуальном порядке (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 72). По распоряжению Главного управления милиции НКВД СССР № 29/я/ 9071 от 19 июля 1945 г. для оформления пропусков на въезд детей и сотрудников детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда, предъявления согласия Ленгорисполкома не требовалось (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 154).

При реэвакуации летом 1945 г. возник целый ряд вопросов, сформулированных в запросе уполномоченного Исполкома Ленсовета в Татарской АССР В. Акимова от 12 мая 1945 г. (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1514. Л. 43, 43об.). Было не ясно, подлежат ли возвращению дети до 14 лет, потерявшие родителей в период войны; дети, о родителях которых ничего неизвестно; дети, отец и мать которых находились в Красной Армии и поддерживали с ними связь; дети, родители которых проживали вне Ленинграда; дети, родители которых, находясь в эвакуации, отказывались взять детей из интерната из-за материальной необеспеченности; дети-сироты, один из которых был старше 14 лет и подлежал возвращению в Ленинград на трудоустройство, а другой – младше 14 лет; дети бывших сотрудников интерната, которые, будучи уволены с работы по сокращению штата, взять к себе детей не могли из-за материальной необеспеченности; дети, трудоустроенные на производство, но желающие возвратиться в Ленинград, особенно те, что имели там родителей. Возникла и проблема с возвращением сотрудников детских учреждений, выехавших из Ленинграда вместе с учреждением, но уволенных позднее по сокращению штата (имеющих жилплощадь и не имеющих ее); сотрудников, не имеющих жилплощади в Ленинграде.

Проблемы реэвакуации вызывали беспокойство руководителей детских учреждений. Переписка относительно реэвакуации позволяет выявить как социально-экономические, так и психологические ее особенности. В частности, многие детские дома превратились постепенно в небольшие коммуны, обеспечивающие себя всем необходимым, и это наложило печать на их быт, который они стремились сохранить.

В одном из писем на имя П. С. Попкова, председателя Исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, от 12 февраля 1945 г. содержится описание подробностей быта детского дома № 115 (директор Л.Д. Галуткина, Ярославская область, Угличский район, село Прилуки). Детский дом, возникший из яслей № 165 Ленинградского полигона, был многократно отмечен во многих блокадных документах. 29 марта 1942 г. он попал под артиллерийский обстрел, однако благодаря мужеству его сотрудников все 70 детей были спасены. 15 июля 1942 г. ясли были эвакуированы в Ярославскую область. Длительный период дети ютились где придется, но к 1943 г. был выстроен деревянный двухэтажный дом, создано подсобное хозяйство (коровы, овцы, свиноматки, куры, гуси и лошади), организованы рыболовецкая бригада, валяльная и овчинная мастерская для обеспечения детей зимней одеждой и обувью. Детский дом получил переходящее Красное знамя как победитель социалистического соревнования по воспитательной и хозяйственной работе в Ярославской области. К весне 1944 г. в детском доме находилось 179 детей, 61 % которых имели только отцов-фронтовиков (матери погибли в блокаду) и 39% – матерей, оставшихся в городе.

В письме П.С. Попкову директор детдома Л.Д. Галуткина просила разместить детский дом в пригороде, на станции Сиверская, выделив дом с участком земли 30 га и надворными постройками, где можно было бы сохранить подсобное хозяйство. Также обосновывалась необходимость переехать в апреле, чтобы провести посевные работы. В заключение директор писала: «Мы ставим себе задачу порученных нам детей, в особенности оставшихся без родителей, воспитать до совершеннолетия, трудолюбивыми, честными и преданными людьми нашей Родине» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.17. Д.1514. Л. 10, 10об., 11, 11об.).

В ЦГА СПб. хранится подробная переписка с Ленгорисполкомом руководителей более 67 детских учреждений по реэвакуации из Армянской ССР, Алтайского края, 18 областей РСФСР (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.17. Д. 1513. Л. 189; Д. 1514. Л. 119; Д. 1240. Л. 267). Педагоги беспокоились о судьбах детей-сирот. Так, работники детсада обувной фабрики «Пролетарская Победа» в письме просили разрешить вернуться в город детям, чьи родители, рабочие, умерли в блокаду (ЦГА СПб. Ф.7384. Оп.17. Д. 1514. Л. 35, 36).

В процессе возвращения детей в ряде случаев возникала необходимость карантина в связи с

высокой заболеваемостью в эвакуации. Так, 50% детей детдома № 73 Володарского района болели малярией; массовые заболевания малярией отмечались также в Хакасии и Красноярском крае – 46 детей из 36 интернатов; имелись случаи массового заболевания стригущим лишаем (26 детей детдома Октябрьского района) (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.17. Д. 1240. Л. 228, 229, 253, 254; Д. 1513. Л. 134). Для предотвращения эпидемий к 1 марта 1945 г. на Волховстрое был организован санитарно-контрольный пункт, через который в Ленинград поступало население из опасных в плане инфекционных заболеваний местностей (ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 9. Л. 34).

Организация реэвакуации и ее трудности горячо обсуждались на собраниях первичных организаций ВКП(б) Ленгорono и Ленгорздравотдела. Среди первоочередных задач был прием детей в специальных приемниках, из которых они раздавались родителям.

Первый эшелон с реэвакуируемыми детскими учреждениями прибыл 2 июня 1945 г. из Ивановской области. Во время приема эшелона присутствовал представитель Наркомпроса РСФСР. Дети были хорошо одеты и в хорошем состоянии. Такими же были дети остальных 8 эшелонов, прибывших к 25 июня 1945 г., за исключением некоторых детей из Кировской области. К этому времени вернулись 5 800 детей. Из них 4 875 были переданы родителям, 725 детей устроены в училища трудовых резервов, 100 направлены в детский дом, 100 детей, более 20% прибывших, остались в приемнике, т.е. оказались не устроены (ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 4. Д. 5. Л. 17).

Таким образом, в июле – августе 1945 г. обострилась проблема обустройства детприемников. Мест в приемниках стало не хватать. Так, в Володарском приемнике на 300 мест было размещено 600 чел. Дети спали по двое на одной кровати, даже в изоляторе. К беспризорным детям в приемниках НКВД прибавлялись мелкие правонарушители (ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 9. Л. 75, 76).

Всего в 1945 г. в детприемниках насчитывалось 550 мест, через которые прошли 2 969 детей. До 36 % задерживались в них на срок более 14 дней. Среди причин задержки детей в докладной записке начальника Управления НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области, комиссара госбезопасности Шикторова назывались

1) нарушение директивы Главного управления трудовых резервов при СНК СССР № 322/407-с от 19 июня 1943 г. о принятии в ФЗО и ремесленные училища всех подростков 14–16 лет, находящихся в приемниках-распределителях;

2) задержка выдачи путевок в детский дом в связи с карантином;

3) медленное трудоустройство детей (От войны к миру..., 2013, с.145–146, 175).

14 августа 1945 г. П. Г. Лазутин, секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) по пищевой промышленности, указал о прекращении реэвакуации детских учреждений в Ленинград и начавшемся беспрепятственным возвращении детей в индивидуальном порядке (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.17. Д.1514. Л. 72).

Необходимо отметить, что, несмотря на все трудности в стране, проблема реэвакуации ленинградских детских учреждений и индивидуальных детей, в том числе детей-сирот и детей-инвалидов, находилась в центре внимания руководства ГКО и СНК СССР, СНК РСФСР, Ленинграда и Ленинградской области, регионов РСФСР и ряда республик СССР (Киргизии, Армении). Настроения провожавших детей передает письмо трудящимся Ленинграда от Каргатского райисполкома Новосибирской области от 24 августа 1945 г.: «... Примите же дорогие товарищи Ленинградцы, своих детей, растите их здоровыми, сильными. Пусть крепко любят свою Родину, свой народ. Пусть будут благодаря нашей партии и Великому Сталину, окружены их вниманием и любовью. Пусть пронесут через всю жизнь признательность к Сибири и сибирякам в суровые годы войны растившим и лелеявшим их. Председатель Исполкома Райсовета Фомин» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп.17. Д. 1513. Л. 181). Своеобразная идеологическая окраска не должна скрывать от нас искренность чувства, с которым было написано это послание.

Список источников

В Отдел школ ЦК ВКП (б): Отчет об итогах учебно-воспитательной работы в школах г. Ленинграда за 1943–44 уч. год // ЦГАИПД СПб. Ф. 25 Оп. 11. Д. 263. Л. 22.

Во имя Победы: эвакуация гражданского населения в Западную Сибирь в годы Великой Отечественной войны в документах и материалах: в 3 т. Томск, 2005. Т. 3: Спасенное детство. 397 с. Ленинград в осаде: сб. док. / под ред. А. Р. Дзенискевича. СПб., 1995. 640 с.

- Документ № 225. Докладная записка П. С. Попкова секретарям ГК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину о потерях жилого фонда города и мерах по подготовке к возвращению в Ленинград эвакуированных. С. 559–561.
- Документ № 226. Из акта городской комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. Об ущербе, причиненном Ленинграду войной и блокадой. С. 562–572.
- От войны к миру: Ленинград 1944–1945: сб. док. / отв. ред. Н. Б. Лебедева, отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2013. 352 с.
- Документ № 19. Специальное сообщение УНКВД ЛО П. С. Попкову об увеличении числа граждан, пытающихся незаконно вернуться в Ленинград. 6 мая 1944. С. 56–57.
- Документ № 27. Докладная записка Городского бюро по учету и распределению рабочей силы А.А. Жданову о необходимости ограничения реэвакуации населения и изменения порядка приема на работу приезжих. 3 июля 1944. С. 64–65.
- Документ № 41. Справка Е.Т. Федоровой А.А. Кузнецову о состоянии и необходимости расширения сети учреждений охраны материнства и детства. 25 августа 1944. С. 82–83.
- Документ № 48. Справка Управления статистики г. Ленинграда А.А. Кузнецову о результатах проверки численности населения города. 20 октября 1944. С. 92–94.
- Документ № 57. Справка Управления статистики г. Ленинграда об изменении численности работающих по отраслям народного хозяйства по сравнению с 1940 г. 15 декабря 1944. С. 109–110.
- Документ № 62. Справка об итогах оперативной деятельности Управления милиции Ленинграда за 1944. 25 января 1945. С. 119–126.
- Документ № 68. Докладная записка УНКВД ЛО П.С. Попкову о работе детских приемников-распределителей. 15 февраля 1945. С. 145–147.
- Документ № 83. Справка отдела школ ГК ВКП(б) в ЦК ВКП(б) о состоянии и работе детских домов и борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью в Ленинграде. С. 171–176.
- Отчет о работе партийной организации Ленгорздравотдела за время с I/II–1944 по I/III–1945 // ЦГАИПД СПб. Ф. 1538 Оп. 2. Д. 9. Л. 34.
- Письмо трудящимся Ленинграда от Каргатского райисполкома Новосибирской области от 24 августа 1945 г. // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513. Л. 181.
- Портал «Архивы Санкт-Петербурга». Ленинград в осаде. Архивные документы Второй Мировой войны. К 70-летию полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады / отв. сост. Н.Ю. «При всех золотых качествах ленинградского народа приходится всё время следить, чтобы никто не вешал нос на квинту...». Из личной переписки А. А. Жданова с И. В. Сталиным в 1941–1942 гг. (Публикация Л.Л. Газиевой) // Военно-исторический журнал. 2015. № 3. С. 31–36.
- Протокол № 4. Заседание бюро партийной организации Ленгороно от 25/VI–1945 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 285. Оп. 4. Д. 5. Л. 17, 18.
- Протокол № 10 общего собрания первичной партийной организации Ленгорздравотдела от 21/XI–1945 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 9. Л. 75, 76.
- ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1240 (Материалы и переписка о реэвакуации учреждений. 21 марта 1944 – 6 января 1945). Л. 267.
- ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1513 (Переписка о реэвакуации учреждений. 11 января – 18 декабря 1945). Л. 189.
- ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1514 (Переписка о реэвакуации населения. 1 февраля – 31 декабря 1945). Л. 119.
- Товарищеское письмо П.С. Попкову директора детдома 115, Ярославская обл., Угличский р-н, с. Прилуки, Л. Д. Галуткиной // ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1514. Л. 10—11об.
- Черепенина. СПб., 2014. URL: <http://blockade.spbarchives.ru> (дата обращения: 02.04.2016).

Библиографический список

- Газиева Л. Л. Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. СПб., 2014. 428 с.
- Карпенко И. А. Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в

Ленинград. 1943–1946 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. Сер. 2, вып. 4. С. 177–181.

Котов С. Д. Детские дома блокадного Ленинграда. СПб., 2005. 205 с.

Потемкина М. Н. Эвакуация в годы Великой Отечественной войны: люди и судьбы. Магнитогорск, 2002. 265 с.

Пянкевич В. Л. Восстановление экономики СССР (середина 41 – середина 50-х). СПб., 2001. 431 с.

Снегирёва Л.И., Сафонова Т.А. Реэвакуация гражданского населения из Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1942–1945 годы) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. Вып. 4 (41). Сер.: Гуманитарные науки. С. 22–30.

Снегирева Л.И. К вопросу о периодизации реэвакуационного процесса // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. №2, т. 6. С. 201–205.

Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга первая: июнь 1941 – май 1942. СПб., 2013. 696 с.

Соболев Г.Л. Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга вторая: июнь 1942 – январь 1943. СПб., 2015. 526 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 20.05.2016

PROBLEMS AND CONTRADICTIONS IN ORGANIZING RE-EVACUATION OF THE LENINGRAD CHILDREN IN 1944–1945

L. L. Gazieva

The Pavlov First Saint Petersburg State Medical University, L'va Tolstogo str., 6-8, 197022, St. Petersburg, Russia
llghist@yandex.ru

The article covers the antinomies and problems of re-evacuating children to Leningrad within childhood houses and individually in 1944–1945. The author presents the comparative analysis of data from official correspondence which describe living and financial difficulties because of war destruction, the efforts to overcome it, and a successful return of evacuated children in Leningrad. Loss of housing in Leningrad as a result of hostile attacks were more than 20%, or about 3 million square meters. Bombardments destroyed 22 and damaged 393 school buildings, destroyed or damaged 195 children buildings (nurseries and orphanages). During re-evacuation, there was a serious problem of quarantine as there were various epidemics. For example, 50% of children of the orphanage № 73 had been infected with malaria; the epidemic of malaria was also registered in the Krasnoyarsk region where it infected 46 children from 36 orphanages. 4070 pupils have returned to Leningrad during the period from January, 1, 1944 until the end of 1944. But the official re-evacuation of children began only after May, 29, 1945. More than 45 310 children and adults (the personnel of orphanages) had to leave 26 regions from May to August of 1945. Teachers were worried about orphans. For example, in their letters, the nurses from the orphanage of the footwear factory “The Proletarian Victory” asked to return the children whose parents had died working in the besieged Leningrad. The correspondence shows social, economic, and psychological circumstances of re-evacuation, because many orphanages have gradually become small communes, providing with all the necessary by themselves, that affected their living conditions.

Key words: Leningrad, siege, children, children's houses, re-evacuation.

References

«Pri vseh zolotykh kachestvakh leningradskogo naroda prikhoditsya vse vremya sledit', chtoby nikto ne veshal nos na kvintu...». Iz lichnoy perepiski A. A. Zhdanova s I. V. Stalinym v 1941—1942 gg. (Publikatsiya L.L. Gazievoy) // Voenno-istoricheskiy zhurnal. 2015. № 3. S. 31 — 36.

Gazieva L. L. Bor'ba za spasenie detey i podrostkov v blokirovannom Leningrade. 1941 – 1944. SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. 428 s.

Karpenko I. A. Sotsial'no-bytovye aspekty protsessa reevakuatsii grazhdanskogo naseleniya v Leningrad. 1943 – 1946 gg. // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2006. Ser. 2, vyp. 4. S. 177—181.

Kotov S. D. Detskie doma blokadnogo Leningrada. SPb.: Politekhnik, 2005. 205 s.

Leningrad v osade: sb. dok. / pod red. A. R. Dzeniskevicha. SPb.: Liki Rossii, 1995. 640 s.

Ot voyny k miru: Leningrad 1944 – 1945: Sb. dok. / otv. red. N. B. Lebedeva, otv. sost. N. Yu. Cherepenina. SPb.: Liki Rossii, 2013. 352 s.

Otchet o rabote partiynoy organizatsii Lengorzdravotdela za vremya s 1/II–1944 po 1/III–1945 // TsGAIPD SPb. F. 1538 Op. 2. D. 9. L. 34.

Pis'mo trudyashchimsya Leningrada ot Kargatskogo rayispolkoma Novosibirskoy oblasti ot 24 avgusta 1945 g. // TsGA SPb. F. 7384. Op. 17. D. 1513. L. 181.

Portal «Arkhivy Sankt-Peterburga». Leningrad v osade. Arkhivnye dokumenty Vtoroy Mirovoy voyny. K 70-letiyu polnogo osvobozhdeniya Leningrada ot fashistskoy blokady / otv. sost. N.Yu. Cherepenina. SPb., 2014. URL: <http://blockade.spbarchives.ru>.

Potemkina M. N. Evakuatsiya v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: lyudi i sud'by. Magnitogorsk, 2002. 265 s. Protokol № 10 obshchego sobraniya pervichnoy partiynoy organizatsii Lengorzdravotdela ot 21/XI–1945 g. // TsGAIPD SPb. F. 1538. Op. 2. D. 9. L. 75, 76.

Protokol № 4. Zasedanie byuro partiynoy organizatsii Lengorono ot 25/VI–1945 g. // TsGAIPD SPB. F. 285. Op. 4. D. 5. L. 17, 18.

Pyankevich V. L. Vosstanovlenie ekonomiki SSSR (seredina 41–seredina 50-kh). SPb.: Nestor, 2001. 431 s.

Snegireva L.I. K voprosu o periodizatsii reevakuatsionnogo protsessa // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo un-ta. 2015. №2, t. 6. S. 201—205.

Snegireva L.I., Safonova T.A. Reevakuatsiya grazhdanskogo naseleniya iz Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1942–1945 gody) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2004. Vyp. 4 (41). Ser.: Gumanitarnye nauki. S. 22–30.

Sobolev G.L. Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga pervaya: iyun' 1941 – may 1942. SP.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2013. 696 s.

Sobolev G.L. Leningrad v bor'be za vyzhivanie v blokade. Kniga vtoraya: iyun' 1942 – yanvar' 1943. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2015. 526 s.

Tovarishcheskoe pis'mo P.S. Popkovu direktora detdoma 115, Yaroslavskaya obl., Uglichskiy r-n, s. Priluki, L. D. Galutkinoy // TsGA SPB. F. 7384. Op. 17. D. 1514. L. 10—11ob.

TsGA SPb. F. 7384. Op. 17. D. 1240 (Materialy i perepiska o reevakuatsii uchrezhdeniy. 21 marta 1944 – 6 yanvarya 1945). L. 267.

TsGA SPB. F. 7384. Op. 17. D. 1513 (Perepiska o reevakuatsii uchrezhdeniy. 11 yanvarya – 18 dekabrya 1945). L. 189.

TsGA SPB. F. 7384. Op. 17. D. 1514 (Perepiska o reevakuatsii naseleniya. 1 fevralya – 31 dekabrya 1945). L. 119.

V Otdel shkol TsK VKP (b): Otchet ob itogakh uchebno-vospitatel'noy raboty v shkolakh g. Leningrada za 1943–44 uch. god // TsGAIPD SPb. F. 25 Op. 11. D. 263. L. 22.

Vo imya Pobedy: evakuatsiya grazhdanskogo naseleniya v Zapadnuyu Sibir' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v dokumentakh i materialakh: v 3 t. Tomsk, 2005. T. 3: Spasennoe detstvo. 397 s.